

Длинная дорога

- У памятника сегодня странный дядька ходил, - сказал вдруг Сурен. - Такой... даже слов не подберу, какой.

Вачик с любопытством взглянул на Сурена: не бывало ещё, чтобы Сурен не мог подобрать слов. Втроём они сидели на скамейке у фонтана - Вачик, Сурен и Айко. Ждали, пока Айко доест мороженое - тот, как всегда, отставал.

- Что же в нём было странного? - спросил Вачик.

- А ты представь: ходит и смотрит вот так, - тут Сурен вскочил, картинно зашатался и соорудил такую гримасу, будто хотел загипнотизировать мохнатого Шуника, блаженно развалившегося в тени под скамейкой напротив.

- Пьяный, что ли? - спросил Айко, вытирая белые «усы» ладошкой. - Или паралитик?

- Сам ты паралитик, - махнул рукой Сурен. - Что я, паралитиков не видел? Этот совсем другой был. Будто нездешний.

- В смысле, приезжий? - уточнил Вачик. - Может, иностранец?

К заезжим туристам у Вачика был особый интерес. Французы, грузины, испанцы казались ему героями нечитанной книжки, полной приключений и волшебства. Незнакомая речь, другая одежда, по-иному звучащий смех... Ещё было у иностранцев особое, почти колдовское свойство: они смотрели на привычный Вачику город с непривычным восторгом, и сам город под их взглядами делался будто бы совсем юным, повесенному свежим - и очень древним одновременно. Хотя он и так древний.

А ещё Вачик собирал монеты из разных стран. Правда, половину коллекции составляли монеты русские, и это казалось не так интересно: Вачик до сих пор не решил, считать русских настоящими иностранцами или нет.

- Шпион, - уверенно сказал Айко. У Айко к иностранцам интерес был другой: он мечтал поймать шпиона и прославиться. Прадедушка Айко много рассказывал ему о ловле шпионов, и Айко слушал его, раскрыв рот. Для прадедушки разговоры с Айко были отдушиной: остальные домашние недолюбливали старика, в том числе за рассказы из времён его молодости.

- Да нет, - отозвался Сурен задумчиво. - На приезжего не похож. Просто взгляд у него был нездешний. Словно не из нашего мира. Словно он вообще среди людей чужак. И может быть, даже не замечает, что вокруг него - люди. Мы на роликовых досках катаемся, носимся, кричим, а он будто смотрит сквозь нас и не слышит. Как если бы нас там не было. Я даже подумал: может, я один его вижу? Может, мне причудился этот самый... мираж? Но тут Шуник к нему так подходит, об ногу трётся, и я понял - не мерещится, значит.

- А он что? - спросил Вачик.

- Ничего. Потрепал за ухом, не глядя. И пошёл себе дальше. Не спеша, с расстановкой так, еле-еле. Я думал, военные так не ходят. Они всегда собранные, энергичные.

- А он разве военный? - удивился Вачик.

- Ну да. Я не сказал? Форма у него военная, весь такой в камуфляже. И орден привинчен.

- Какой орден? - живо заинтересовался Вачик. Помимо монет у него была страсть к орденам и медалям - увы, совершенно неудовлетворённая. Потускневшие награды минувших эпох продавались на лотках вернисажа, но стоили дорого. Куда дороже старых монет. Так что Вачику оставалось только мечтать. И он мечтал: вот добудет когда-нибудь орден, прицепит к своей футболке, так чтоб блестело вовсю, переливаясь на солнце, - и пройдёт по улицам гордо, как настоящий герой.

Дешевле других продавал ордена дядя Манвел, пожилой, сухощавый, с хитринкой в глазах. Его столик, крайний в третьем ряду, прислонённый вплотную к лоткам с деревянными бусами и магнитами на холодильник, появлялся на вернисаже лишь по субботам. До магнитов и бус Вачику дела не было, а вот у столика дяди Манвела он, бывало, простаивал долго, чуть не по полчаса. Перебирал монеты, рассматривал значки и горящим взором пожирал недоступные ордена, не решаясь даже коснуться.

Монеты всех стран Вачик знал наизусть: знакомые армянские, орластые русские, болгарские стотинки с боксёрского вида львом, сантимы с Сеятельницей, арабские с непонятными закорючками, немецкие с дубовыми листьями и другие немецкие - с циркулем.

- Смотришь, смотришь, ничего не берёшь, - беззлобно журил Вачика дядя Манвел.

- А я выбираю, - отвечал Вачик, вздёрнув нос. - Вот выберу и куплю.

- Ну выбирай, выбирай, - вздыхал дядя Манвел.

Разговор этот повторялся каждые выходные. Но Вачик всё не мог выбрать. А однажды дядя Манвел подарил ему монету с дырочкой - просто за так.

- Датская! - восхитился Вачик. И, от восторга со смущением вместе, забыл даже поблагодарить дядю Манвела.

Монета была истёртая, медная, но года не очень старого. Впрочем, всё равно старше Вачика. Так что он, продев сквозь дырку шнурок, носил её, как медальон.

- Я Гамлет, принц Датский, - говорил Вачик Сурену, отставив ногу и приняв величественную позу. - А ты кто? Неужто мой бедный Йорик? Протяни-ка сюда свой череп, он тебе уже не понадобится.

Сурен только хмыкал и советовал Вачику беспокоиться о собственном черепе, не то мало ли что...

Позже, на излёте весны, Вачик из денег на мороженое купил у дяди Манвела значок молодёжного фестиваля. Значок был красивый - цветок с пятью лепестками: жёлтым, красным, зелёным, лиловым и голубым. А в середине летящая птица. Очень понравился Вачику этот значок: сияющий, весёлый, и одновременно с грустинкой. Вачик сначала не мог понять, откуда эта грустная нотка. А потом понял. Значок был похож на эмблему геноцида армян.

Впрочем, дядя Манвел, протягивая Вачику значок, вздыхал не о том.

- Сам когда-то такой носил, - сказал дядя Манвел. - Для нас делалось. Мы и были та молодёжь. «Фестивал, Катюша», - добавил он по-русски, словно передразнивая кого-то. - А теперь восемьсот драмов - и носи на здоровье кто хочет.

- Скинул бы сотню мальчонке, - бросила через плечо проходившая мимо тётя Ануш, соседка дяди Манвела.

- Восемьсот, - повторил дядя Манвел и с усмешкой добавил. - Свою молодость продаю. Разве молодость дешевеет?

Вачика же поразило открытие: оказывается, дядя Манвел, старый, с морщинами на лбу и на впалых щеках, тоже когда-то был «молодёжкой». И птица, которая на значке, стремилась ввысь - для него.

Этот значок Вачик носил недолго. Как-то раз подрался с ребятами из седьмого подъезда - те дразнили Айко. Драка - так, ничего серьёзного, не первый раз. Зубы целы, нос на месте, даже синяков не осталось. Но пришёл домой - нет значка. Сколько ни искал - не нашёл.

Вечером Сурен притащил яркий фонарь, как из фильмов о сыщиках, и они искали втроём: Сурен, Вачик и Айко. Сурен нашёл пуговицу (уверял, что серебряная), Айко - бутылочную крышку с узорчатой буквой «S», а вот Вачику не повезло. Показалось было: блестит! Но увы, это был лишь осколок стекла.

На вернисаже, наверное, можно было добыть другой такой же значок. Однако Вачик как истый коллекционер не любил повторений. К тому же ему не хотелось, чтобы кто-то, как дядя Манвел, торговал своей молодостью. «Покупая чужую молодость, сам становишься стариком», - изрёк на сей счёт Сурен.

А вскоре уже и значки забылись: Сурену родители купили роликовую доску, и ребята теперь часами напролёт катались у памятника, выписывая лихие выражи и показывая чудеса мастерства.

Иногда на мальчишек поглядывала кудрявая Изабель из 6 «А», возвращавшаяся с танцев домой, и тогда ветер обжигал Вачику щёки, колкие мурашки пробегали вдоль шеи, а в голове разом делалось пусто и невесомо. Однажды невесомость чуть затянулась - мир завертелся перед глазами, и Вачик обнаружил, что лежит на земле. Боль в колене, ссадина на руке, но сильнее всего - захлёстывающий страх: сейчас Изабель засмеётся! Вот же стыд!

Но она не засмеялась. Подбежала - в глазах не то испуг, не то удивление. Протянула руку:

- Вставай?

Хотя раньше не разговаривали.

Но ответить Вачик не успел: его уже подхватил за плечи Сурен, помог сесть.

- А ты иди, - строго сказал Сурен, покосившись на Изабель. - Нам тут не надо...

Она исчезла мгновенно, словно и не бывало. Вачик же, закусив от боли губу, поднялся на ноги, подхватил доску и, не глядя совсем на Сурена, поехал на новый круг.

...И вот теперь середина лета. Площадь, большой фонтан, беззаботные люди спуют по своим делам, а кто-то вовсе без дела. Здесь когда-то была революция, и людей

было больше, стояли целые толпы: Вачик бегал смотреть, не спросив у родителей. А сейчас всё как прежде. Но что-то всё-таки изменилось. И Вачик посматривает по сторонам, пытаясь найти отличия.

- Меньше уставших лиц, - сказал один прохожий другому.

- И там теперь вход свободный, - кивком указал второй.

- Главное - выход, - фыркнул первый.

Они прошли дальше, а Вачик подумал:

«Вот бы и в нашей школе так сделать: вход-выход свободный, и чтоб без уставших лиц».

...Суббота, площадь. Сурен рассказывает, как странный военный ходил у памятника. Солдат непростой, с орденом.

- Какой орден? - откликается Вачик.

- А я знаю? - удивляется Сурен. - Может, за Талыш. С бело-красной лентой такой... Пойдёмте, что ли, уже? Засиделись. Айко, у тебя нос в мороженом.

Айко послушно трёт нос.

...Домой ведут две дороги - прямая и длинная. Прямая идёт через вернисаж. Вачик любит эту дорогу. На вернисаже всегда найдётся что посмотреть. А сегодня суббота, значит, снова за столиком будет дядя Манвел со значками и орденами.

Сурен порой смеётся:

- Длинной дорогой пойдёшь, небось выйдёшь короче.

Длинная дорога идёт в обход, тянется параллельной улицей. Но и вправду выходит быстрее: глазеть не на что.

Ребята шагают втроём: Сурен, как всегда, впереди; Айко, по обычаю, отстаёт. Проходят мимо хачкаров, сторонятся больших собак, всегда играющих в сквере. У столика со значками Вачик предсказуемо застревает, глаза его разбегаются, и он уже не слышит Сурена, забывает о странном военном, о времени, обо всём...

...И наверное, тот рассказ так и выветрился бы у Вачика из головы, растаял, не оставив следа, если бы через несколько дней Вачик сам не увидел солдата.

Дело было под вечер. У памятника, как и в рассказе Сурена. Но катавшиеся ребята уже разошлись, лавочки пустовали, и только немногочисленные прохожие спешили мимо, никуда не оглядываясь. А у памятника стоял он.

Вачик замер. Воззрился на человека в военной форме - высокого, чуть сутулого. Человек стоял к нему спиной, но Вачик сразу понял, что это он. Тот, о ком говорил Сурен. Не родственник, не какой-то знакомый, и всё же Вачика на миг накрыло чувство странного узнавания. Хотя чем угодно он мог бы поклясться, что никогда этого человека не видел.

Военный не спеша повернулся, двигаясь как-то неестественно, скованно, и Вачик мог теперь разглядеть его лицо. Не старое, но и юным не назовёшь. «Человек без возраста», - вспомнил Вачик расхожую фразу. Ещё шрам на скуле - бледная полоса. Сурен ничего не сказал про шрам. На куртке камуфляжного цвета был и вправду привинчен орден - золотой, поверх бело-красной ленты.

Вачик уставился на орден во все глаза. А военный посмотрел на Вачика, будто только сейчас заметил его присутствие. Усмешка тронула его губы, и что-то мелькнуло во взгляде такое, что Вачик слегка оробел.

Нет, он не почувствовал ни враждебности, ни угрозы, лишь какую-то смутную неловкость, словно нарушил по незнанию некий важный запрет или попался за подглядыванием в замочную скважину.

Что-то такое было в глазах военного - непонятное, не поддающееся словам. Будто смотрит человек из дальнего далека, из бездны, из пустоты...

Это не был бессмысленный взгляд слепого. Незнакомец видел Вачика, может, даже - видел насквозь, со всеми его страхами, тайнами, самыми сокровенными мечтами. Но смотрел на него не отсюда, не от памятника, что высился в десяти шагах, а из безмерно далёкого, непостижимого мира, куда Вачику никогда не попасть, даже если идти туда тысячу лет.

Военный медленно, механическим движением поднял руку, на мгновение заслонив орден, и всё с той же усмешкой кивнул Вачику.

- Спасибо... - прошептал Вачик. А может, просто подумал, потому что голоса своего не услышал. - Спасибо... но я... нет...

Пустота потеплела. Военный чуть тряхнул головой, развернулся и небыстрым шагом пошёл прочь.

А Вачик вдруг ощутил абсолютную невозможность оставаться на месте.

Опрометью, во все лопатки, он бросился домой, и бежал, бежал не останавливаясь, до самой двери. Так и влетел без лифта на четвёртый этаж.

- Что с тобой, Вачик-джан? - спросила мама, открывая.

- Я... там... нет... Я не знаю, - пробормотал Вачик, не в силах перевести дух.

И больше о той встрече не сказал ни единого слова. Никому. Ни в тот день, ни на следующий, ни позже. Вообще никогда.

И никто, даже чуткий Сурен, так и не догадался, почему теперь Вачик обходит вернисаж стороной, а домой возвращается только длинной дорогой.

Лев Арменович Григорян.

Фразы дирижеров, или как ругаются интеллигентные люди:

“Почему вам в детстве не объяснили, чем труба отличается от пионерского горна?”

“Не надо так терзать арфу и путать ее с пьяным мужем!”

“Если вы еще раз так сыграете первую цифру, я убью всех вас по очереди, похороню, отсижу, а потом наберу новый оркестр!”

Ты ноешь и плачешь, не думая даже, что жалость - сомнительный вид эликсира. А кто-то сегодня проснется и скажет: - Живой - и прекрасно. Дышу - и спасибо. В то время, как ты засыпаешь во мраке не в тесном бараке - в квартире красивой, отчаянно кто-то сражается с раком: проснулся - прекрасно, живой - и спасибо! Под вязанным пледом и с чашкою чая ты воздух горячий глотаешь, как рыба. А кто-то действительно ходит по краю и каждой соломинке шепчет: спасибо... Не скованны пальцы болезнью смертельной, и сносна достаточно эта поклажа. Ты видишь прохожих и слышишь капли. "Счастливый" - наверное, кто-нибудь скажет. Ты плачешь сегодня - причина убога. Бывает, песчинка покажется глыбой. И ангелы скажут когда-нибудь Богу: - Да что ему нужно? Живой - и спасибо! От жалости этой знобит поминутно. Её повороты, как сети, опасны. Есть руки и ноги, и ветер попутный. Есть море. А море - безумно прекрасно!.. Барахтайся, воду глотая и пену, мозги отмывая до белой свободы. И кровь заструится быстрее по венам - и в легких добавит тебе кислорода. Смотри в это небо с восторгом щенячьим. И жизнь украшай ослепительным нимбом. Есть капля удачи и кофе горячий... - За это уже говорится: спасибо.

Алена Васильченко

*Пятна света. Лёгкость линий.
Тень. Текучесть. Высота.
Стужа. Снег. Алмазный иней.
Вальс осеннего листа...
Тонкий, скрученный, пунцовый,
Словно южный солерос,
Лист как будто леденцовый...
Вальс-огонь и вальс-мороз.
Сон засахаренной розы -
Без шипов и без куста...
На ветру просохли слёзы
У продрогшего листа...*

*Гребенюкова Наталья.
Хабаровск.*

Молодая собака спрашивает старую:
- Скажи, почему мы всю жизнь в намордниках, а люди только сейчас начали их носить?
- Ну так мы и в космос раньше полетели...

Российские сыровары решили побаловать покупателей и выпустили сыр «Covid-19». Он не имеет ни вкуса, ни запаха.

Тузик и его друзья

У гномиков новое занятие.

На Шумном Дворе опять весело. Карантин закончился - и всё пошло кувырком.

Тузик носится по двору, гоняет сорок. Матильда Леопольдовна тоже радуется. Только она спокойная, - сидит на веранде и уютно мурлычет. И жмурит от удовольствия зелёные глаза.

Кошка с любопытством поглядывает во двор. А там...

После долгого карантина, когда нельзя было много шалить, гномики снова проказничают. Они забрались в курятник, поймали одну Рябушку и пытаются надеть на неё маску - ту самую маску, что они носили во время карантина.

Курица спорит - громко кудахчет, не соглашается на такое безобразие. Другие Рябушки тоже разволновались, летают по курятнику, хлопают крыльями - да так, что вокруг только перья

летят. И все возмущаются:

- Ко-ко-ко, что за глупости! Ко-ко-ко, где это видано, чтобы курочки носили маски?!

В курятнике пыль поднялась столбом. Говорилка громко чихнул. Следом чихнул Бублик. Оба вытирают грязными ладошками носы.

- Ой, дети простудились! - испугалась мама-Иголочка.

- Нет, нет, наши малыши здоровы, - успокоил её дедушка Помахайкин. - Просто шалуны устроили в курятнике переполох... Поэтому поднялась пыль. Не дают бедным Рябушкам покоя.

Ничего не поделают, пришлось гномикам выйти из курятника.

В это время послышался голос зелёно-красного попугая. Это прилетел Базлан. Сел на нижнюю ветку Леопарда и закричал на весь Шумный Двор:

- Детишки, вместо того, чтобы приставать к Рябушкам, лучше займитесь чем-то интересным. И полезным.

Гномики виновато опустили головки: да, было такое...

Попугай заговорил немного тише:

- У вас есть телефоны? Есть. Вот и снимайте телефоном видео. Снимайте свой Шумный Двор...

- Да, да! - обрадовалась Матильда Леопольдовна и спрыгнула с веранды. - Сделайте в Интернете канал и там показывайте свои видео.

Тузику понравилась идея белой кошки.

- Я буду на вашем канале **ведущим**, - сказал он.

- Что такое "ведущий"? - спросили гномики.

- Это значит, - тряхнул крыльями Базлан, - что в ваших видео Тузик будет рассказывать ребятишкам обо всех, кто живёт на Шумном Дворе. Например, о вас, милые шалуны. Да, Тузик будет рассказывать о ваших проделках. И ещё - о Рябушках и сороках, о Матильде Леопольдовне... Поэтому вы все будете Артистами.

Рябушки скромно закудахтали:

- Мы будем ходить по двору, искать в траве букашек и зёрнышки. Будем скрести лапой землю и приговаривать "Ко-ко-ко". Для видео это очень важно.

- А кто будет делать **монтаж**? - спросил Тузик.

- Ой, опять новое слово! - сказал Бублик.

- Что такое "монтаж"? - вытаращил глазёнки Говорилка.

- "Монтаж" - объяснил Тузик, - это когда составляют кусочки видеозаписей вместе, и из них получается маленький фильм...

- В такой фильм можно добавлять музыку и разные интересные фокусы, - кивнула Матильда Леопольдовна. Потом этот фильм можно смотреть по телевизору.

- Ой, как интересно! - радостно захлопал в ладошки и начал скакать Говорилка. - Мы с Бубликом будем делать монтаж!

- Э-э., нет, малыши! Эту работу мы поручим папе-Лобику, - скрипнул ветками Леопард. - Вы, гномики, слишком много шалите, а монтаж - дело серьёзное. Тут нельзя

баловаться. Даже Тузику нельзя поручить монтаж, а то он увидит сорок - и кинется их догонять....

Тузик виновато опустил голову:

- Твоя правда, Базлан: я их только что гонял.

Бублик и Говорилка ещё долго бегали по двору, играли в чехарду и шумели распугивая птиц. Наконец шалуны устали и сели на крылечко отдохнуть. К ним подошли Тузик и Матильда Леопольдовна. Даже Базлан присел неподалёку. И все вместе стали обсуждать - что и как они будут снимать на видео.

Говорили долго, до самого вечера. И наконец малыши уснули.

